

УДК 316

АНАЛИЗ РОССИЙСКОЙ СТРУКТУРЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В ТЕРМИНОЛОГИИ СОЦИОЛОГИИ ОБРАЗОВАНИЯ П. БУРДЬЕ

© С.С. Пациашвили

Аннотация. Предпринята попытка проанализировать структуру высшего образования в терминологии социологии образования П. Бурдьё. Согласно гипотезе П. Бурдьё, университеты на Западе в свое время стали играть ту же роль, которую до секуляризации играла в обществе церковь. А именно, церковь занималась формированием кадрового резерва управленцев для государства. Вопрос, насколько применимы такие категории в социокультурной динамике высшего образования в России?

Ключевые слова: университет; власть; делегирование; бюрократия; секуляризация; школа

Никто, пожалуй, не связывал так тесно образовательные учреждения и институты власти в государстве, как это делал П. Бурдьё. Он фактически рассматривает школы и университеты как инструменты доминирования и символического насилия, монополией на которые обладает государственная власть [1]. Достаточно самого беглого взгляда на генезис школьного образования в Новое время в Европе, чтобы увидеть, что эта эпоха сопровождалась самой жесткой привязкой школы к институту государства. Важнейшим маркером эпохи Просвещения является, безусловно, секуляризация. Борьба против клерикализма и деспотизма – два этих пережитка Средневековья рассматривались в тесной связке между собой, и зачастую даже предполагалось, что борьба против чего-то одного одновременно подрывает и второе: борьба с деспотизмом подрывает, например, и власть церкви. Позднее история предоставила нам немало поводов усомниться в этом. Так, советская идеология, отличающаяся своим атеизмом и непримиримым антиклерикализмом, отстаивая радикальное просвещение и даже догматизируя его, вместе с тем провалилась в самый откровенный деспотизм. Но в контексте данного исследования важнее разобраться, как это сказалось на образовании и образовательных учреждениях вообще – во-первых, и, во-вторых, как этот концепт можно применить к российской специфике. Во-первых, легко проследить, как процесс секуляризации школы приводил к ее интеграции с институтом государства. Например, первые большевистские декреты отделили школу от церкви, а церковь от государства, но никоим образом не отделили школу от государства. Иными словами, школы, а затем и

университеты стали фактически государственными учреждениями. На Западе, конечно, такие процессы происходили не с такой откровенностью, поскольку советское государство изначально формировалось как тирания; на Западе же секуляризация проходила под лозунгами демократии, а школы и университеты привязывались к формально демократическому государству. По мнению П. Бурдые, школы и университеты со временем стали играть в европейских государствах ту же роль, какую в средние века играла церковь. Формально церковь не была государственным учреждением, но фактически стала важной опорой в процессе кадрового отбора представителей власти. На Западе установилась аналогичная связь между государственными и образовательными учреждениями, причем даже более тонкая, более имплицитная, более стохастическая, чем была прежде связь между государством и церковью. В этой стохастичности П. Бурдые видит даже положительный момент, который в конечном итоге сможет разорвать хватку государственного спрута вокруг школ и университетов [1]. В этом ключе стоит задаться вопросом, а так ли плохо было то, что связь между государством и образовательными учреждениями в СССР была гораздо более откровенной и тесной, чем в светских государствах Западной Европы?

В «Государственной знати» П. Бурдые проводит важнейшее исследование социокультурных детерминант так называемых элитных учебных заведений [1]. И это первая проблема применения концепции П. Бурдые к российской образовательной специфике. В России еще не выявил себя тот класс образовательных учреждений, которые можно было бы назвать элитными и имеющими приоритет в кадровом отборе агентов символического насилия. Нельзя сказать, что попыток сформировать такие учреждения не было, но, как правило, те университеты, из которых власть пытается сделать образцовые и элитные, начинают проигрывать в конкуренции западным студиям и терять пункты рейтинга, в то время как те университеты, которые не попадали в круг государственных интересов, наоборот, показывают существенный рост. «За пять лет реализации проекта 5–100 ни один из его участников не вошел в Топ-100 мировых рейтингов THE, QS, ARWU, как намечается программой. Несмотря на то, что двадцати одному университету было выделено более 60 млрд рублей бюджетного финансирования, все они очень далеки от указанной цели. Более того, четыре из них отсутствуют в этих рейтингах, три ухудшили свои показатели: НГУ, МИФИ – в THE, РУДН – в QS. МГУ им. М.В. Ломоносова находится в «красной зоне» Топ-100 мировых рейтингов QS (95 место) и ARWU (93 место). В последнем он ухудшил позиции. В Топ-100 рейтинга THE российских университетов нет. Между тем МГТУ им. Н.Э. Баумана и МГИМО, не вошедшие в проект 5–100, показывают

возможность роста в мировых рейтингах за счет собственных ресурсов. Бауманский университет опережает в QS все вузы проекта 5–100, кроме НГУ, МГИМО – три, находясь на одной позиции с МИФИ» [2].

При этом формально еще все российские университеты, отдавая дань советской традиции, сохраняют свою зависимость от государства. Даже МГУ им. М.В. Ломоносова, который вошел даже в список так называемых классических университетов и считается независимым от государства, все равно в самом своем названии является государственным, а ректор его с некоторых пор назначается непосредственным Указом Президента России¹. Очевидно, прослеживаются некоторые попытки сформировать из МГУ им. М.В. Ломоносова образцовый элитный университет, но для этого он должен хотя бы демонстрировать свой рейтинговый рост по отношению к аналогичным образцовым университетам Запада, а в идеале и вовсе должен составлять им конкуренцию. П. Бурдье хорошо показал, что любая бюрократия жизненно нуждается в наличии института кадрового отбора, который не был бы до конца инкорпорирован в само тело этого государства. К. Маркс объяснял эту необходимость через извечную болезнь бюрократии – ее близорукость [3]. Низы обманывают вышестоящих по поводу ситуации на местах, верхи обманывают нижестоящих чиновников в том, что касается ситуации в стране в целом. В итоге получается, что внутри бюрократии нет адекватного представления о происходящем в стране, и это может обернуться катастрофой для самой бюрократии – в конечном итоге, она может столкнуться с совершенно неожиданной проблемой, которая может разрушить государство. Вывод, сделанный из этого К. Марксом, довольно известен: бюрократия должна прибегать к помощи гражданского общества, причем не всего гражданского общества, а лишь части гражданского общества, инкорпорированной частично в институты власти. Позже эта часть гражданского общества будет названа классом – господствующим классом. Однако последние американские исследования хорошо показывают, что апелляция к экономическим структурам гражданского общества не только не помогает, но может и повредить бюрократии, нанести ей серьезный урон [4]. На примере Международного валютного фонда авторы разбирают, как финансовые институты слабую, уязвимую бюрократию делают лишь еще слабее и уязвимее, устоять и сохранить независимость от такого вмешательства могут только крепкие бюрократические системы. А раз так, то институтом кадрового отбора должен

¹ О Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова и Санкт-Петербургском государственном университете: федеральный закон от 10.11.2009 № 259-ФЗ. Доступ из СПС Гарант.

стать третий сектор, известный в России также как некоммерческие организации.

П. Бурдые прямо утверждает, что кадровым отбором должны заниматься непосредственно университеты. Но в России на этом поприще мы наблюдаем провал, в результате чего бюрократия начинает замыкаться на самой себе. Бюрократия хорошо понимает эту проблему и пытается сформировать вовне некоторый кадровый резерв, в частности, стоит упомянуть известный проект «Лидеры России». Этот конкурс управленцев проводится автономной некоммерческой организацией «Россия – страна возможностей». Инициатива вроде бы исходит не от государства, но и не от университетов, а от третьего сектора, тем не менее, победители конкурса получили определенные образовательные гранты на получение высшего образования. Это уже вызывало некоторый скепсис в университетской среде. Директор Центра трудовых исследований НИУ ВШЭ В.Е. Гимпельсон утверждает: «Никакие искусственные конкурсы не могут заменить естественной конкуренции между людьми, конкурс – это всегда игра, и еще неизвестно, как победители смогут проявить себя на настоящей работе в реальной жизни» (цит по [5]). «Он указал на то, что прежние попытки создать президентский кадровый резерв успехом не увенчались – почти никто из отобранных резервистов в итоге не работает в Администрации Президента. По мнению В.Е. Гимпельсона, кадровый резерв в 2700 человек ничтожно мало для рынка труда, даже если за три года это количество составит 8400 менеджеров» (цит по [5]). К тому же следует задаться вопросом, может ли одна некоммерческая организация взять на себя роль, которую на Западе берет на себя целая сеть крупнейших университетов с вековыми традициями, как, например, университеты «Лиги плюща» в США? И вызывает сомнение качество этих кадров, многим из которых еще только предстоит пройти университетскую подготовку, и неизвестно, что получится на выходе.

Очевидно, и государство готово это признать, что в молодежной политике России сейчас имеется серьезный пробел, который может обернуться и вовсе провалом. Социологические исследования в данной области вовсе демонстрируют нам, что значительная часть студенчества не связывает свое будущее с Россией и планирует делать карьеру где-нибудь за рубежом [6]. Недостаток социальной мобильности неизбежно приводит к некоторому кризису идентичности среди студенчества. «Социально-экономические и политические трансформации, а также дисфункции в деятельности основных институтов социализации породили ситуацию, в которой молодежь оказалась фактически на пороге кризиса идентичности. Не обладая четкими ценностными ориентирами и находясь в нестабильном положении, зачастую сопровождаемом неопреде-

ленностью социальных перспектив, молодежь испытывает соблазн сменить самоидентичность» [7].

Ситуация кажется тупиковой, поэтому разумно задаться вопросом: какой выход здесь можно предложить? И стоит ли здесь российской системе символического насилия гнаться за западными моделями власти-образования, или можно создать нечто иное, с учетом местной специфики? Заслугой, и вместе с тем проблемой, доставшейся современной России от СССР, является отсутствие системы элитных учебных заведений, которые играли бы ключевую роль в кадровом отборе. Возможно, проблема кадрового отбора бюрократии стала одним из ключевых факторов гибели советского государства, по сценарию К. Маркса, когда верхи и низы лгут друг другу и страдают предельной близорукостью. Университеты, как и сам наука в СССР, были подчинены государству, они стали частью государственного аппарата, и в той же степени, как и государство, стали утрачивать свою связь с гражданским обществом. В современной России эта тенденция продолжается, хоть и формально Россия стала уже демократическим государством. Стало быть, первым шагом на пути к установлению жизнеспособной кадровой политики, конечно, должно стать отделение университетов, а впоследствии и школы от государства. Университет должен стать средним звеном между гражданским обществом и государством, сцепляющим их и в равной степени принадлежащий к ним обоим. В целом, нечто близкое к этому представляли собой университеты Российской империи.

Формируемые по образу и подобию МГУ, первые российские университеты были независимыми от государства организациями. Но, поскольку университетское образование в России очень молодо, то первые университеты по их образованию сразу автоматом становились элитными учебными заведениями. Таким образом, не было деления учебных заведений на элитные и массовые. Важным фактором было отсутствие в МГУ богословского факультета, что было достигнуто благодаря настойчивым стараниям М.В. Ломоносова². Современники российских университетов того периода были еще слишком инкорпорированы в институт церкви, в России же университеты с самого начала начинают острую борьбу против церкви за право формирования кадровых резервов страны. В силу этого сложившиеся традиции российского образования XIX – начала XX века представляют для нас наибольшую ценность. В конечном итоге эта ситуация, когда все университеты в равной степени связаны с государством и вместе с тем в равной степени отдалены от него,

² Письмо М.В. Ломоносова к И.И. Шувалову. URL: [//his95.narod/doc00/mgu_osn.htm](http://his95.narod/doc00/mgu_osn.htm) (дата обращения: 28.03.2019).

привела к тому, что студенчество стало мощной политической силой, подрывающей основы власти семьи Романовых вплоть до революции 1917-го года. С другой стороны, большую часть XX столетия советская власть пыталась уничтожить эти университетские традиции и в силу этого максимально интегрировать образовательные учреждения в тело бюрократии. Для сравнения, в нацистской Германии еще сохранялась хотя бы видимость университетских свобод, например, сохранились формальные выборы ректоров университетов. Третий рейх нельзя назвать окончательно светской тиранией, поскольку власти продолжали активно сотрудничать с церковью, в то время как советская тирания была исключительно светской, никак не опирающейся на религию.

В какой-то степени повторяется ситуация с дореволюционными университетами, но теперь борьба происходит не за право университетов формировать кадровые резервы, это право и так было получено; основная борьба происходит за эмансипацию университетов и, как следствие, науки от власти. Из этого положения могло бы быть два выхода: либо упадок науки и деградация системы образования при поддержке государства, что и начало происходить после краха советской власти; либо коренное изменение структуры власти вплоть до полного упразднения института бюрократии. П. Бурдьё полагал, что упразднение бюрократии должно произойти по причине стохастичности связи между университетом и государством, когда система из-за больших чисел начнет все чаще выдавать статистическую ошибку. В какой-то степени это уже происходит с западным образованием, что можно увидеть на примере США. Но такое упразднение бюрократии приведет и к упразднению института государства. Для П. Бурдьё бюрократия и государство – это одно и то же, в этом можно усмотреть его ошибку, когда мысль застревает в капкане новоевропейской парадигмы. Но если выйти за пределы парадигмы Нового времени, то можно увидеть, например в Античности, что государство вполне успешно может существовать без бюрократии и институтов представительства [8]. В таком случае сценарий упразднения бюрократии должен быть иным, нежели предполагал П. Бурдьё, но в конечном итоге так же тесно связанным с образовательной системой и институтом университета.

Список литературы

1. *Bourdieu P.* Der Staatsadel. Konstanz: Universitätsverlag Konstanz, 2004.
2. *Карпов А.О.* Возможен ли университет 3.0 в России? // Социологические исследования. 2018. № 9. С. 59-70.
3. *Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844-го года и другие ранние философские работы. М.: Академический проект, 2010. 775 с.

4. *Reinsberg B., Kentikelenis A., Stubbs T., King L.* The World System and the Hollowing Out of State Capacity: How Structural Adjustment Programs Affect Bureaucratic Quality in Developing Countries // *American Journal of Sociology*. 2019. Vol. 124. № 4. P. 1222-1257.
5. *Подцероб М.* Поможет ли конкурс «Лидеры России» создать кадровый резерв для страны? // *Ведомости*. 2018. 16 янв.
6. *Дергунова Н.В., Лукафина Д.А.* Гражданская идентичность российской молодежи в условиях миграции // *Власть*. 2017. № 10. С. 91-96.
7. *Магранов А.С., Деточенко Л.С.* Гражданская идентичность современной студенческой молодежи: особенности и факторы трансформации // *Социологические исследования*. 2018. № 8. С. 108-116.
8. *Пациашвили С.С.* Делегирование и представительство // *Современное общество и власть: электронный научный журнал*. 2018. № 3 (17). С. 109-118. URL: <http://gmanagement.ru/index.php/ru/> (дата обращения: 28.03.2019).

Поступила в редакцию 12.04.2019 г.

Отрецензирована 25.04.2019 г.

Принята в печать 14.05.2019 г.

Информация об авторе:

Пациашвили Сергей Сергеевич – магистрант по направлению подготовки «Социология образования». Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: kiberdial@mail.ru

ANALYSIS OF RUSSIAN STRUCTURE OF HIGHER EDUCATION IN THE TERMINOLOGY OF P. BOURDIEU'S SOCIOLOGY OF EDUCATION

Paciashvili S.S., Master's Degree Student in "Sociology of Education" Programme. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation. E-mail: kiberdial@mail.ru

Abstract. We attempt to analyze the structure of higher education in the terminology of P. Bourdieu's sociology of education. According to P. Bourdieu's hypothesis, universities in the West at one time began to play the same role that the church had played in society before secularization. Namely, the church was engaged in the formation of a personnel reserve of managers for the state. Question is, how applicable are these categories in the social and cultural dynamics of higher education in Russia?

Keywords: university; authority; delegation; bureaucracy; secularization; school

Received 12 April 2019

Reviewed 25 April 2019

Accepted for press 14 May 2019